

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ АН СССР В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН

© 2020 г. М. Д. Бухарин^{а,*}, С. Г. Карпюк^{а,**}

^а Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия

*E-mail: vdi@igh.ras.ru

**E-mail: oxlos@yandex.ru

Поступила в редакцию 30.01.2020 г.

После доработки 02.03.2020 г.

Принята к публикации 17.03.2020 г.

В статье публикуются ранее неизвестные материалы по истории академических учреждений, в частности, по реформированию Института истории АН СССР и попытке создать в 1950-е годы Институт всеобщей истории АН СССР, увенчавшейся успехом лишь в 1968 г. Авторы демонстрируют вариативность факторов, влиявших на развитие советской науки, отсутствие чёткой закономерности и логики в данном процессе, что, как показывает опыт создания ИВИ АН СССР, может приводить и к позитивным результатам. Вводятся в научный оборот положения двух докладов академика Е.М. Жукова – первого директора ИВИ АН СССР, в которых он изложил концепцию развития нового учреждения.

Ключевые слова: Институт истории АН СССР, Институт всеобщей истории АН СССР, история науки, всеобщая история, послевоенный период.

DOI: 10.31857/S086958732007004X

Первые попытки радикально реформировать Институт истории АН СССР и выделить из его структуры отдельное учреждение, которое занималось бы историей стран вне границ СССР, были предприняты ещё во второй половине 1930-х годов, но они не увенчались успехом. Причины, которые побуждали руководство советской науки сделать соответствующие шаги, анализировались ранее [1, с. 1162–1168]. Тогда институт испытывал

сильнейший дефицит площадей при значительном росте штата, что вызывало трудности в управлении. Его сотрудники были заняты масштабными проектами, в частности, написанием “Всемирной истории” и “Истории СССР”. Уже в ходе работы возникла необходимость реформировать проекты ввиду присоединения к СССР новых территорий в предвоенный период. В 1940 г. их отложили в долгий ящик, а Великая Отечественная война отсрочила необходимые изменения на неопределённое время.

Наряду с другими гуманитарными учреждениями Академии наук ИИ АН СССР эвакуировали в Ташкент; в Москве остались два десятка сотрудников. Реэвакуация столичных гуманитарных институтов весной-летом 1943 г. способствовала лишь централизации управления. Например, директор Института истории академик Б.Д. Греков возглавил также Институт истории материальной культуры.

В послевоенный период после возвращения научной сферы к довоенному *status quo* проблема функционирования ИИ АН СССР вновь встала со всей остротой. Вопросы по реформированию оставались нерешёнными, масштабные проекты – нереализованными. Между тем ситуация в науке обострилась: возобновились идеологиче-

БУХАРИН Михаил Дмитриевич – академик РАН, главный научный сотрудник ИВИ РАН. КАРПЮК Сергей Георгиевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИВИ РАН, профессор РГГУ.

ские кампании, связанные с отказом от старых миражей, в частности, “нового учения о языке” Н.Я. Марра, и масштабные “чистки”. Эти процессы сопровождались укрупнением институтов, усилением централизации в управлении и ужесточением контроля. Например, в 1950 г. были объединены в единый Институт языкознания АН СССР ранее самостоятельные Институт языка и мышления и Институт русского языка с переводом вновь созданного учреждения из Ленинграда в Москву [2, с. 455, 456]. В то же время реорганизации подвергся Институт востоковедения АН СССР, основанный в 1818 г. в Санкт-Петербурге. Руководству, прежде всего его директору академику В.В. Струве, вменили в вину отсутствие работ по актуальным вопросам востоковедения, обобщающих трудов и координации научной работы центрального и регионального отделений с “каким-либо научным центром”. В результате штат Института востоковедения пополнился сотрудниками ликвидированного Тихоокеанского института АН СССР и его коллектив во главе с новым директором С.П. Толстовым перебазировался из Ленинграда в Москву [2, с. 456–458].

17 января 1951 г. на бюро Отделения истории и философии АН СССР под председательством Б.Д. Грекова рассматривалось “Письмо т. Козлова” о реорганизации Института истории и Института философии. В процессе обсуждения директор Института истории материальной культуры АН СССР член-корреспондент АН СССР А.Д. Удальцов поставил вопрос о разделении Института истории [3, л. 3]. Резко против этого выступил заместитель директора ИИ АН СССР С.Л. Утченко, специалист по истории Древнего Рима. Очевидно, он выражал точку зрения руководства института: “Здесь предлагается разделить Институт истории на два раздела: Институт истории СССР и Институт всеобщей истории. Это не новое предложение. Такой вопрос неоднократно ставился. Но мне представляется, что делать это сейчас было бы неверно и нецелесообразно. Мы не хотим разрывать эти два раздела. Поэтому такое предложение в отношении Института истории неприемлемо” [3, л. 8, 9].

Таким образом, главный аргумент сторонников сохранения существующего положения заключался в стремлении сохранить единство управления историческими исследованиями. Впрочем, высказывалась готовность совершенствовать систему секторов института, для чего предлагалось “избрать соответствующую комиссию” [3, л. 9]. Однако итоговое решение звучало однозначно: отвергнуть предложение о реоргани-

зации Института истории, о чём было доложено в вышестоящие органы [3, л. 11].

Более благоприятные условия для разделения института сложились в период “оттепели”, когда авторитет советской науки начал возрастать, что не могло не сказаться на исторических исследованиях. В 1957 г. возникли новые журналы исторического профиля: “История СССР”, “Новая и Новейшая история”. Набиравший силу процесс десталинизации стал фактором роста общественного интереса к истории, активизации исследований историков-профессионалов.

Так, в январе 1958 г. в Отделении истории АН СССР составили Объяснительную записку с обоснованием необходимости увеличить в предстоящем семилетии штат отделения на 1276 единиц. Потребность в численном росте Института истории АН СССР авторы записки объясняли так: “Участие советских историков в работе X Международного конгресса историков в Риме показало ряд слабых сторон в развитии советской исторической науки, для ликвидации которых было признано полезным создать на базе Института истории АН СССР два института: а) Институт истории СССР и б) Институт всеобщей истории. Подобное предложение содержалось в докладной записке в Центральный Комитет партии и Президиум АН СССР.

Такая реформа абсолютно назрела. Она поможет значительно улучшить и изучение отечественной истории и всеобщей истории, поможет укрепить кадры по наиболее дефицитным проблемам, усилит и улучшит руководство, поведёт к созданию новых научных журналов.

К нашему сожалению, в СССР, где так много делается для развития археологии, этнографии, востоковедения, до сих пор нет самостоятельного научного института в области всеобщей истории” [4, л. 61].

Запрос на дополнительную потребность Института истории в штатах (приём примерно по 40 сотрудников каждый год в течение семи лет) был подписан 17 января 1958 г. и.о. директора В.Г. Трухановским. Кроме того, речь шла о строительстве в 1962–1965 гг. новых площадей для института [4, л. 25–30].

Поражали масштабностью и планы научно-исследовательской работы по всеобщей истории. В этом отношении показателен Перспективный план научно-исследовательских работ Отделения исторических наук на 1959–1965 гг. Пункт VIII. История первобытного общества и антагонистических формаций (до эпохи империализма), пп. 3. Основные этапы развития рабовладельческих отношений и ппп. 1 обозначали в качестве одной задачи написание коллективной монографии “История рабства в античном мире” в

10 (!) выпусках объёмом 150 (!) печатных листов [5, л. 98–100]. В ИИ АН СССР предполагалось сконцентрировать работу по нескольким направлениям: истории материальной культуры, Китаеведению и этнографии. В редколлегиях издания должны были войти академик В.В. Струве, доктор исторических наук С.Л. Утченко, Е.М. Штаерман, кандидаты исторических наук К.К. Зельин, Я.А. Ленцман и А.И. Павловская. Работу предполагалось начать в 1960 г. и с 1962 по 1966 г. сдавать в печать по два тома ежегодно.

Таким образом, застарелые проблемы Института истории АН СССР, в частности, рост штата при реализации крупных начинаний, в 1950-х годах лишь усугубились. Этот вопрос не нашёл решения и в следующее десятилетие. Так, в письме от 8 января 1968 г., отправленном академиком-секретарём Отделения истории Е.М. Жуковым в президиум АН СССР, говорилось о предполагавшейся численности сотрудников Института истории по годам: 1967 г. — 570 человек, 1970 г. — 595, 1975 г. — 640, 1980 г. — 685. К 1980 г. планировалось увеличить штат сотрудников всех институтов отделения на 20%. При этом “в пятилетнем плане строительства Академии наук до 1970 г. сохранялся только один объект по Отделению истории: пристройка конференц-зала к зданию институтов отделения по ул. Дм. Ульянова, 19 (общий объём — 2000 кв. м)” [6, л. 12, 13].

На решении организационных проблем ведущего научного учреждения страны в области изучения истории настаивали те, от кого этого меньше всего ожидали. По воспоминаниям академика А.О. Чубарьяна, научного руководителя Института всеобщей истории РАН, а в 1988–2015 гг. — директора ИВИ РАН, в середине 1960-х годов в институте избрали партком, в котором большую роль играли бывшие фронтовики. Этот “мятежный” партком выступил за проведение реформ, прежде всего за отмену цензуры научных исследований. Высшие партийные инстанции оказывали сильнейшее давление на институт, однако партком удалось отстоять. Тогда и был вынесен вердикт: разделить Институт истории на два самостоятельных учреждения, в результате чего “мятежный” партком прекратил своё существование [7].

7 июня 1968 г. ЦК КПСС принял решение создать на базе Института истории АН СССР Институт истории СССР и Институт всеобщей истории. Определённо, это оказалось неожиданным для Академии наук: на назначение новых директоров и выработку планов научно-исследовательской работы ушло несколько месяцев, что следует

из письма вице-президента АН СССР академика А.М. Румянцева в ЦК КПСС:

“Отправлено 30 VIII 68 г.
№ 32-125

Центральный Комитет

Коммунистической партии Советского Союза

Во исполнение решения ЦК КПСС от 7 июня с.г. о создании на базе Института истории АН СССР Института истории СССР и Института всеобщей истории Академия наук СССР приступила к работе по разделению института. В связи с тем, что директора новых институтов были назначены только 19 августа с.г., Академия наук СССР просит продлить срок представления в ЦК КПСС структуры и направлений научно-исследовательской работы институтов до 15 октября с.г.

Вице-президент Академии наук СССР
академик А.М. Румянцев

Подготовлено по просьбе ак[адемика] Жукова Е.М. 29/VIII-68” [8, л. 68].

19 августа 1968 г. президиум АН СССР назначил первым директором Института всеобщей истории руководителя Отделения истории АН СССР академика Е.М. Жукова.

Фигура Евгения Михайловича Жукова ещё не стала предметом исследования в той мере, в какой она того заслуживает. Справедливыми, однако, представляются оценки, данные ему современниками: “Жукова-историка значительно превосходил Жуков-организатор, стратег строительства советской исторической науки... Е.М. Жуков видел в Отделении истории структуру, способную справиться с исследовательским хаосом, преодолеть разобщённость историков... Он превратил собственный институт в некое подобие главного филиала отделения, заложив в его планы позиции самого универсального свойства, выполнить которые можно было за счёт привлечения сил из исследовательских учреждений... Он выступал за интеграцию академической и университетской науки” [9, с. 205, 206].

Ленинградское отделение Института истории АН СССР также было реформировано: “Единственное нарушение логичности структуры допущено для Ленинградского отделения, где будет существовать малочисленная группа по *всеобщей* истории. Она будет находиться под наблюдением Института всеобщей истории, но создавать особое отделение этого института в Ленинграде с численностью в 8 человек не имеет смысла” [10, л. 118].

14 октября 1968 г. Академия наук представила предложения о направлениях научно-исследовательской работы и структуре Института истории СССР и Института всеобщей истории [10, л. 106–113].

В декабре 1968 г. Е.М. Жуков на заседании Секции общественных наук АН СССР выступил

с докладом “О новых направлениях в научно-исследовательской деятельности Института всеобщей истории АН СССР”. Этот документ демонстрирует стремление Евгения Михайловича возложить на институт изучение теоретических вопросов, находящихся на стыке истории, философии и политологии [11, автограф].

Как отмечал Жуков, “одной из центральных задач ИВИ является всемерное развитие новых направлений в научно-исследовательской работе, которые связаны с потребностями советской исторической науки” [11, л. 2]. Он полагал, что теперь главное – теоретическое осмысление фактического материала: “ИВИ начал развёртывать работу по вопросам теории всемирно-исторического процесса, по изучению конкретных вариантов развития общества... Конкретные исторические исследования дают громадный фактический материал, который нуждается в обобщении и осмыслении, поскольку он раскрывает во многих деталях механизм действия реального осуществления закономерностей общественного развития”. И далее: “Углубление теоретических исследований в области всемирной истории необходимо... для того, чтобы поднять общий уровень исторической науки, преодолевать элементы эмпиризма, усиливая синтетический, генерализирующий подход к историческому материалу”. Для этого “в ИВИ создаётся специальный отдел политических проблем всемирной истории. К его работе привлекаются как историки различных специальностей, так и философы” [11, л. 5–7].

Стремление сделать акцент на теории исторического процесса подводило Е.М. Жукова к попыткам выйти на междисциплинарные обобщения, в чём-то напомилавшие неудачный опыт 1920–1950-х годов: “Наконец, к числу новых направлений в работе ИВИ следует отнести ряд специальных вопросов – вопросы исторической психологии, проблемы истории мышления, теоретические и логические проблемы исторического исследования и др.”. “ИВИ рассчитывает также, – писал он далее, – на активное сотрудничество философов, социологов, экономистов, филологов и юристов в решении ряда комплексных проблем” (11, л. 8, 9).

Академик полагал, что институт нужно укрепить новыми кадрами не по причине новизны поставленных задач, а потому, что изучение теоретических проблем должно быть отстроено заново: «Нынешние кадры ИВИ, несмотря на довольно высокую в целом квалификацию, лишь в очень ограниченной степени подготовлены к теоретическим исследованиям по новым направлениям. Надо, кстати, оговориться, что само выражение “новые” направления следует понимать условно. Новизна состоит главным образом в том, что очень мало занимались теоретическими пробле-

мами, находящимися на стыке исторических и философских дисциплин. Сейчас необходимо *заново* организовать научно-исследовательскую работу по этим актуальным направлениям. Но, конечно, в самой постановке этой проблемы есть немало *нового*... Учитывая малочисленность кадров, ИВИ не может сразу организовать работу по всему фронту теоретических исследований в области истории. По некоторым направлениям придётся в течение известного времени ограничиваться чисто поисковыми работами. Нам как воздух нужны молодые кадры, нужна аспирантура» [11, л. 10, 11].

Инновационную суть работы ИВИ АН СССР Е.М. Жуков определял так: “В числе новых направлений, которые частично уже начаты реализацией в ИВИ, важное место занимают исследования соотношения и многообразия всемирно-исторического процесса, анализ множественности конкретных форм перехода от одной социально-экономической формации к другой, изучение исторических эпох, отражающих борьбу и сосуществование различных социально-экономических формаций, и, наконец, исследование типов и форм социальных революций... Особое внимание должно быть уделено сложной проблеме изучения становления и развития типов социальных общностей, взятых в их внутренней взаимосвязи и взаимодействии... ИВИ и его отдел комплексных проблем всемирной истории планирует серьёзную разработку типологии социально-экономических формаций, т.е. известное сопоставление конкретных форм, в которых воплощаются сменяющиеся прогрессивные стадии всемирно-исторического процесса. В настоящее время по данному направлению развёртывается работа в трёх аспектах: 1) разрабатываются общеметодологические принципы типологии социально-экономических формаций; 2) готовится типологический анализ отдельных формаций и 3) намечается построение синтеза отдельных эпох” [11, л. 14, 15].

Эту тематику нельзя считать случайной: в 1960-е годы с новой силой в советском востоковедении прошла дискуссия об азиатском способе производства, что не могло не подтолкнуть яркого представителя советской школы исследователей истории Японии Жукова к анализу теории общественно-экономических формаций. Нет ничего удивительного и в том, что первый директор ИВИ АН СССР сосредоточился на теоретических вопросах как основе исследовательской работы института. Выступление по этому поводу состоялось в ходе заседания Секции общественных наук АН СССР и сделанный в нём упор на теорию выглядит вполне логичным: лицо института за год после его создания сложиться не могло. 11 декабря 1969 г. Евгений Михайлович представил на заседании президиума АН СССР доклад “Изучение

всеобщей истории в институтах АН СССР”, где акценты были расставлены точнее и ярче [12, авторграф].

Он начал с утверждения о расширении “фронта исследований по всеобщей истории” с включением в этот пул азиатских, латиноамериканских и африканских стран и необходимости написания исторических очерков “по большинству стран мира”. “Широкий географический охват налицо, но он ещё не полон и сам по себе недостаточен”, — говорилось в докладе [12, л. 1]. Далее Жуков определил, что входит в понятие “всеобщая история”: «Всеобщая история не сводится к простой сумме историй отдельных стран. Во-первых, она предполагает рассмотрение всеобщего исторического процесса по хронологической вертикали — движение общества от древности до наших дней; во-вторых, она может иметь строго научный характер лишь при наличии объективных критериев сопоставления конкретных исторических путей, пройденных отдельными странами и народами. Иначе говоря, всеобщая история предполагает признание общих закономерностей исторического процесса. Ясно, что выявить, проследить действие этих закономерностей возможно лишь на обширном конкретно-историческом материале, безусловно выходящем за рамки, условно говоря, “национальных” историй» [12, л. 2, 3].

Обозначив основное направление исследований — изучение “национальных” историй в более широком “наднациональном контексте” и выстраивание общей парадигмы всемирно-исторического процесса, докладчик перешёл к обоснованию теоретической важности исторических исследований: осмыслению накопленного обширного материала исторических дисциплин разного профиля — археологии, антиковедения, медиевистики, Новой и Новейшей истории, востоковедения, африканистики, страноведения [12, л. 3, 4]. В какой-то степени Е.М. Жуков повторял положения предыдущего доклада, указывая на необходимость объединения усилий различных институтов. Значительная часть его выступления была посвящена обоснованию тезиса об активизации борьбы на идеологическом фронте, что возможно только при развитии работ в области теории исторических исследований. Он считал, что следует противостоять сторонникам “циклического” развития цивилизаций и иных “буржуазных” концепций на Международном конгрессе историков, который должен был состояться в 1970 г. в Москве [12, л. 4–10, 12, 13]. Центральным вопросом в области исследования всеобщей истории для учёного оставалась проблема “общих закономерностей развития и о прогрессивной смене социально-экономических формаций” [12, л. 11]. Говоря о введении в научный оборот новых источников, он подчеркнул, что это

важно не само по себе, а как средство обоснования марксистско-ленинской теории исторического развития [12, л. 13–17].

Несмотря на обилие схоластических построений, Е.М. Жуков призывал не замыкаться в чисто теоретических априорных изысканиях: “Богатый конкретно-исторический материал раскрывает всё многообразие форм и путей прогрессивного движения общества, обнаруживая вместе с тем и периоды временного застоя, и даже попятного движения — регресса” [12, л. 18]. Он говорил о важности исследования “культурно-бытовых, религиозных, психологических факторов, постоянно дающих о себе знать в современном историческом процессе” [12, л. 21], “соотношения и взаимозависимости внешних (международных) факторов развития отдельных стран и народов, воздействия внешней среды на внутренние процессы”, революций и войн [12, л. 22]. Особое внимание Жуков уделил достижениям археологов, значительно углубивших датировку истории человечества [12, л. 24], специалистов по древней истории, работы которых заметно обогатили представления о структуре древних обществ [12, л. 25], медиевистов и византинистов, “успешно развивающих лучшие традиции русской и советской исторической науки”, специалистов по Новой и Новейшей истории, востоковедению [12, л. 26–29].

Абстрагировавшись от теоретических вопросов, истории отдельных стран и периодов, академик Жуков перешёл к другой теме: “Я бы хотел очень кратко упомянуть о том направлении исследований в области всеобщей истории, которое нуждается в особенно большом внимании. Это — история мировой культуры”. К сфере всеобщей истории он отнёс труд Д.С. Лихачёва, посвящённый культуре Древней Руси [12, л. 30, 31]¹. По мнению Жукова, “изучение истории культуры в широком понимании этого слова, быта народов, их психологии должно быть обязательной составной частью исследований по всеобщей истории” [12, л. 31].

Затем он перечислил те направления, которые нуждаются в усилении, переформатировании, назвав в качестве таковых африканистику и ряд редких специальностей — историю малых стран (Греция, Португалия, Дания, Ирландия), что объяснялось слабым притоком в эту область молодых кадров [12, л. 31–33].

Завершающая часть доклада была посвящена организационным вопросам — координации усилий профессионалов. “Проблемы всеобщей истории разрабатываются в *нескольких* институтах АН СССР, — говорил Е.М. Жуков. — Кроме того, ряд проблемных научных советов координируют

¹ Вероятно, имеется в виду книга Д.С. Лихачёва “Поэтика древнерусской литературы” (Л.: Наука, 1967).

исследования по специальным важнейшим аспектам всеобщей истории. Однако и институты, и проблемные советы находятся при различных отделениях Академии [наук] и не всегда связаны друг с другом. Сферы компетенции проблемных советов чётко не разграничены. При общей недостаточности кадров это ведёт иногда к нерациональному дублированию тематики. Очевидно, Секции общественных наук следует уделить больше внимания согласованию работ по интеграции как институтов, входящих в разные отделения, так и проблемных советов” [12, л. 33, 34]. Евгений Михайлович сообщил о ближайших планах работы института, причём среди новых значились проблемы национальных отношений и подготовка Международного исторического конгресса [12, л. 35–39].

Именно в этом докладе первый директор Института всеобщей истории АН СССР фактически сформировал образ нового исследовательского учреждения; он призывал развивать при акценте на теорию все конкретно-исторические дисциплины, вовлекая в научную сферу не только историю регионов вне СССР, но и мировую историю и историю культуры в целом. Он видел ИВИ АН СССР не просто главным историческим, но базовым академическим учреждением, интегрирующим усилия других институтов, так или иначе связанных с изучением мировой истории.

Таким образом, на создание Института всеобщей истории АН СССР повлияли, с одной стороны, объективные факторы развития исторической науки, желание максимально охватить её пространство, а с другой — стремление к детализации исследований. Однако, как в динамике ис-

торического процесса в целом, в этом деле огромную роль сыграли субъективные факторы, что вкупе и привело к появлению одного из ведущих гуманитарных академических учреждений СССР, а теперь — России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бухарин М.Д., Карпюк С.Г. Как создавался Институт всеобщей истории АН СССР // Вестник РАН. 2019. 11(89). С. 1162–1168.
2. Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). 1922–1952. Т. 1 / Сост. В.Д. Есаков. М.: Российская политическая энциклопедия, 2000.
3. АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1945–1956). Д. 190. Л. 3, 8, 9, 11.
4. АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1953–2002). Д. 310. Л. 25–30, 61.
5. АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1953–1959). Д. 185а. Л. 98–100.
6. АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1953–2002). Д. 534. Л. 12, 13.
7. Чубарьян А.О. Под катком. Как работалось историкам в эпоху СССР // Поиск. 2019. 1 декабря.
8. АРАН. Ф. 2 (Канцелярия Президиума АН СССР). Оп. 1(68). Д. 3. Л. 68.
9. Калмыков Н.П. Евгений Михайлович Жуков (1907–1980) // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 4. Новая и Новейшая история. М.: Наука, 2004.
10. АРАН. Ф. 2 (Канцелярия Президиума АН СССР). Оп. 1(68). Д. 3. Л. 106–113, 118.
11. АРАН. Ф. 1788. Оп. 1. Д. 181. Автограф. Л. 2, 5–11, 14, 15.
12. АРАН. Ф. 1788. Оп. 1. Д. 184. Автограф. Л. 1–18, 21, 22, 24–39.